

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Доверие, гражданское действие,
политика: опыт «старых» и «новых»
демократий

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_gragdanskoe_dejstvie.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Клеман К.М., Машезерская Л.Я., Мирясова О.А., Павлова Т.В., Хлопин А.Д., Цысина Г.А.

ДОВЕРИЕ, ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ, ПОЛИТИКА: ОПЫТ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» ДЕМОКРАТИЙ¹

КРИЗИС ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В последние два десятилетия в западной политической науке активно обсуждается проблема кризиса традиционных механизмов политического представительства (прежде всего такого важнейшего института, как политические партии, утратившие, по мнению многих, свою легитимность). Констатируется, что в современном обществе, с присущим ему разнообразием интересов и тенденцией к большей индивидуализации, традиционные институты представительства не отражают интересов многих социальных групп, не обеспечивают достаточно широкого доступа граждан к процессу принятия политических решений [9, с. 106; 10, с. 8-9; 35]. Это дало повод исследователям говорить о «дефиците демократии» и даже о ее «кризисе» [19].

В ситуации качественного усложнения общества и воздействия на него процесса глобализации на первый план выступает вопрос о представительстве интересов и участии в принятии общественно значимых решений тех слоев социума, которые, испытав на себе последствия социально-политических и экономических сдвигов, не считают свои интересы представленными в традиционных политических и общественных институтах.

Вопреки пессимистическим прогнозам некоторых специалистов [30], граждане развитых демократий отказываются не от участия в политике, а от конвенциональных, привычных его форм (выборы, партийная деятельность и пр.) и все в большей степени используют неконвенциональные, прямые формы коллективного действия — петиции, демонстрации,

---

¹ В статье представлены основные результаты исследовательского проекта «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации» (грант РФНФ № 06-03-00190а), выполненного под руководством к.и.н. С.В. Патрушева при участии С.Г. Айвазовой, Г.Л. Кертмана, К. Клеман, Л.Я. Машезерской, О.А. Мирясовой, Т.В. Павловой, А.Д. Хлопина, Г.А. Цысиной и Н.Д. Фатеевой в отделе сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

забастовки, бойкот и т.п. [16; 28]. Все большую роль стали играть неинституциональные, стихийные формы участия, прямое действие, в которое вовлекаются широкие слои ранее не участвовавших в общественных движениях граждан. Новые формы характерны, в том числе, и для таких традиционных движений, как рабочее и профсоюзное, а также для различного рода новых социальных движений (за права человека, женские, экологические движения и др.). К новым коллективным акторам относится антиглобалистское движение, представляющее собой совокупность множества движений, формальных и неформальных ассоциаций, объединенных целью противопоставить глобализации в интересах крупных корпораций глобализацию в интересах граждан. Международный масштаб их деятельности, организованной по сетевому принципу, повышает их легитимность и способствует ее эффективности [36, с. 11].

Появление в современном западном обществе множества новых сфер для формулирования гражданами своих интересов, новых идентичностей и групп интересов потребовало и новых каналов для их выражения. Все это обусловило необходимость кардинального обновления самой концепции представительства с учетом новых форм индивидуального и группового представительства.

В пространстве публичной сферы происходит (чаще всего — на локальном уровне) обсуждение идей, согласование интересов, поиск компромиссов, создается определенный контекст, который может способствовать или не способствовать участию [6, с. 275]. Здесь также осуществляется взаимодействие между структурами государственной власти и множеством автономных общественных ассоциаций, в ходе которого рождаются новые формы гражданской вовлеченности. При этом неизбежно возникает проблема более широкого представительства интересов различных социальных групп, в том числе неорганизованных, и их участие в общественном дискурсе [6, с. 272], что является предметом дискуссии не только между участвующими в диалоге представителями власти и гражданами, но и среди самих граждан.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Согласно теоретическим представлениям, гражданская активность реализуется в пространстве гражданского общества, которое конституируется индивидами, исполняющими публичную и обеспеченную правовой санкцией конституционного государства роль граждан. Эта активность связывает воедино право и общество, обеспечивает формирование мнения относительно ключевых общественных проблем и

воспроизводит политический порядок. Такое понимание гражданской активности связывает ее с усилением социетальной интеграции и укреплением политической стабильности.

Чтобы дать дифференцированный анализ основных характеристик гражданской активности, заметим, что при реализации институциональных норм — прав и свобод гражданина — актуализируется не только гражданский статус, но и субъектные предпосылки (когнитивные, ценностно-ориентированные и идентификационные), носителем которых является индивид-гражданин [3].

В современных условиях многие виды гражданской активности (касающиеся, например, защиты окружающей среды, здравоохранения, образования), хотя и носят, на первый взгляд, социально-экономический характер, являются одновременно и политическими. Они предполагают оказание давления на представителей власти с целью увеличения финансирования в определенных сферах, изменения соответствующей политики и принятия определенных законов, то есть — влияние на политический процесс.

Модель современного гражданского участия, сложившаяся в постиндустриальных странах Запада в последние десятилетия, включает не только политическое участие в классической трактовке, понимаемое как «легальная активность частных граждан, имеющая целью, в той или иной степени, влияние на формирование правительства и (или) на предпринимаемые им действия» [37, с. 46]. Она включает также деятельность, носящую более широко понимаемый политический характер, трудноотделимую от социальной активности, направленную не только на правительство, но и на других политических и социальных акторов, и не ограниченную рамками национального государства. Последнее в значительной мере утратило свою традиционную роль вследствие глобализации, делегировав одну часть полномочий наднациональным организациям (ООН, ЕС, ВТО и т.д.), а другую — региональным и локальным представительным органам, что привело к изменению целей, на которые направлено политическое участие.

Следует добавить, что большая часть гражданского участия реализуется не в политически ориентированных формах, а в активности, связанной с целями нового образа жизни.

Наконец, критически важное условие, без которого невозможно современное гражданское участие, — наличие в обществе социального капитала, основанного на нормах межличностного доверия и реципрокности, а также «этики ответственности», подразумевающей, в том числе, ответственность граждан в широком политическом смысле, их активную вовлеченность в демократическое управление обществом.

НОВЫЕ АКТОРЫ, НОВЫЕ ПАТТЕРНЫ

Артикуляция гражданами новых потребностей и интересов, связанных с коренными изменениями условий жизни (защита окружающей среды, качество жизни и др.), и их стремление непосредственно влиять на процесс принятия решений в обществе обусловили появление новых форм участия, новых коллективных акторов, а также новых сфер для реализации гражданских инициатив. Некоторые исследователи говорят даже о смене «самих паттернов представительства и участия» [15].

Среди совершенно новых коллективных акторов — движение потребителей (направленное против использования определенных видов продукции по различным идеологическим, этическим, экономическим и др. соображениям), движение акционеров (цель которого — влиять на политику проводимую менеджментом компаний). Именно в этих новых движениях и формируется новый тип коллективного действия — *«индивидуализированное»* коллективное действие. Инструментом, открывшим невиданные ранее возможности для взаимодействия участников движений и для непосредственного участия индивидов в деятельности локальных, национальных и глобальных сообществ, а также для широкого обсуждения проблем гражданского общества, стал Интернет, играющий роль нового, «альтернативного канала гражданской вовлеченности» [17].

Основа идентичности новых акторов — не их классовый, социально-экономический или профессиональный статус, как это было в индустриальную эпоху, а общие идеалы и ценности. Более того, как отмечает ряд исследователей, участие в коллективных действиях в современных западных обществах вовсе не обязательно связано с формированием коллективной идентичности. Индивидуальная идентичность во многих случаях преобладает над коллективной. Это порождает новые, «индивидуализированные» формы политического и гражданского участия, а также «индивидуализированные» формы коллективного действия, что связано с общим процессом социальной индивидуализации, изменением паттернов социализации и ценностей в странах Запада в эпоху постмодерна [17; 27]. Коллективные действия реализуются на практике путем солидарных действий и мобилизации ресурсов в рамках отдельных кампаний и направлены на решение конкретных проблем (защита окружающей среды, улучшение качества жизни, борьба за мир и т.п.).

Изменения в модели гражданского участия и формах коллективного действия являются предметом теоретических дискуссий. В частности, критике подвергаются два основных постулата теории коллективного действия М. Олсона [29]: неучастие как рациональное поведение индивида в рамках «дилеммы безбилетника» и необходимость формальной орга-

низации для объединения участников коллективного действия. М. Барнс, Б. Бимбер и ряд других авторов приходят к выводу о том, что всеобщая доступность современных средств информации и коммуникации снижает издержки и ускоряет получение выгоды от успешного коллективного действия. Это приводит к изменению логики поведения рационального индивида: потенциальный участник коллективного действия располагает большими, чем прежде, возможностями для того, чтобы сделать рациональный выбор относительно своего участия (при этом вариант «безбилетника» — лишь один из возможных) [6; 8]. Отмечается также преобладание гибких сетевых структур как «наиболее эффективных в сложном современном социальном контексте» [11] и по сравнению с традиционными, иерархически построенными организациями.

Одним из последствий внедрения новых информационных технологий стала «проницаемость границ» [8, с. 378] между частной и публичной сферами, сведение к минимуму издержек перехода из одной сферы в другую. Речь идет не о том, что современные формы коллективного действия технологичны по своей природе, а о том, каким образом люди используют оказавшиеся в их распоряжении передовые технологии в качестве инструмента участия для замены старых повседневных практик новыми [8, 384]. Именно в этих практиках, позволяющих гражданам не только взаимодействовать друг с другом, но и оказывать непосредственное влияние на принимаемые властью решения (участвуя в обсуждении проблем публичной политики и доводя свои требования до властей с помощью сети Интернет), и формируются правила и нормы гражданской вовлеченности. Тем самым открываются возможности для обновления политических институтов, их большей «отзывчивости» (responsiveness) и происходит институционализация демократии на микроуровне. Современное коллективное действие А. Мелуччи определяет как «результат сложных процессов взаимодействия, опосредованных определенными сетями групповой идентичности» [26, с. 18].

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Наиболее развернутое определение социальных движений, позволяющее отделить их от других, институционализированных форм коллективного действия (партий, групп интересов), дали ведущие западные теоретики в данной области, представляющие европейскую школу исследований, Д. делла Порта и М. Диани. Социальные движения представляют собой «неинституционализированный тип коллективного протестного действия», «(1) неформальные сети, базирующиеся на (2) разделяемых всеми

ценностях и солидарности, мобилизующие своих участников по поводу (3) конфликтных проблем посредством (4) регулярного использования различных форм протеста» [14]. Это отличает их от институциональных форм коллективного действия (партий, групп интересов).

Выделяют три группы факторов, влияющих на появление и развитие движений и, соответственно, предлагаются три исследовательские парадигмы: 1) структура политических возможностей (*political opportunities structure*); 2) мобилизационные структуры (*mobilizing structures*) и 3) процесс формирования общей культурной идентичности, ценностно-нормативных фреймов, общего для данной группы людей «понимания мира и самих себя, которое легитимирует и мотивирует коллективное действие» (*framing processes*) [14, с. 6].

Центральной в изучении новых социальных движений стала концепция «структуры политических возможностей». Под последней понимают «институциональную структуру или неформальные властные отношения в рамках данной политической системы», изменения которых приводят к появлению определенных социальных движений [14, с. 3]. Выделяется ряд характеристик политических систем, влияющих на структурирование коллективного действия: степень открытости (закрытости) системы; стабильность элитных групп; наличие у элит влиятельных союзников и терпимость к протесту, склонность государства к использованию репрессий [25; 32].

Влияние указанных переменных на социальные движения дополняется институциональными условиями, правилами и нормами, регулируемыми процессы формирования повестки дня и принятия политических решений

Американские исследователи Д. Макадам, С. Тэрроу и др. [24; 32] провели *case studies* движений и протестных циклов. В то же время европейским специалистам Х. Кризи, Р. Коопмансу и др. [18; 20; 21] удалось выявить «кросс-национальные различия в структуре, масштабе и успешности сравниваемых движений на основе различий политических характеристик национальных государств, в которые они встроены» [25, с. 3]. Общий вывод состоял в том, что социальные движения зависят от большого количества политических ограничителей и возможностей, присущих только данному национальному контексту.

В сравнительных исследованиях политических институтов, влияющих на социальные движения, рассматриваются такие институциональные характеристики, как степень сосредоточенности власти в руках государства по сравнению с другими политическими акторами — группами интересов, политическими партиями, простыми гражданами, территориальная децентрализация, функциональное разделение властей [18; 22].

Специфика движений в той или иной стране определяется как «социальным контекстом, культурой, историческим процессом, уровнем политического сознания» (M. Castells), так и, прежде всего, — политическим контекстом, в котором оно возникает и развивается. Политический контекст включает в себя формальные (институциональные) факторы — политические институты, политическую культуру, а также неформальные, опосредующие факторы — поведение политических оппонентов (государства) и союзников (поддерживающих политических акторов — политических партий, масс-медиа, других движений) [14].

Социальные движения выбирают ту или иную стратегию, исходя не только из «структуры политических возможностей», но и из норм традиционной политической культуры (частично кодифицированных в законах). Наименее конфронтационные стратегии характерны для движений, действующих в странах с эгалитарной, либеральной и индивидуалистичной политической культурой, тогда как движениям в странах с коллективистскими традициями и превалированием в политической культуре ценности государства над ценностями гражданского общества присущи более конфронтационные и антагонистические стратегии. Власть, на которую направлен социальный протест, также руководствуясь нормами и ценностями данной политической культуры, вырабатывает определенную стратегию для разрешения конфликтов с социальными движениями, состоящую из «набора формальных и неформальных правил игры» [23, с. 295].

В свою очередь, движения влияют на политический контекст — политические институты и политическую культуру, политическое поведение его участников, способствуя их изменению и выступая, таким образом, фактором институциональных изменений. В публичной политике появляются новые каналы доступа социальных движений к процессу принятия решений (экспертные комиссии, органы местной власти), возникают новые площадки для этих целей. Следствием деятельности коллективных движений является и повышение «отзывчивости» власти в отношении выдвигаемых перед ней требований (например, принятие определенных законов под влиянием движений).

Социальные движения влияют и на политическую систему в целом: на институциональные и формальные процедуры, рекрутирование элит, на неформальную конфигурацию власти. Они расширяют возможности доступа к политической системе и, соответственно, возможности для неинституциональных акторов влиять на принятие политических решений. Оказывая влияние на общественное мнение, на политическую элиту, движения способствуют культурным изменениям, выработке новых «культурных кодов» (согласно концепции А. Мелуччи).

Освоение в практике движений новых, более непосредственных способов участия в политике, влияния на процесс принятия политических решений, артикулирование новых политических идей, выдвижение альтернативных целей общества ведет к трансформации политической культуры, утверждению в ней новых норм и ценностей, изменению правил политической игры, признанию легитимности новых способов принятия решений.

Наконец, открыв новые каналы доступа к политической системе и выступив в качестве «новых протагонистов в сфере агрегации и представительства различных интересов» [14], социальные движения способствуют решению проблем, связанных с кризисом современной системы демократического представительства, снижением ее легитимности.

Они реагируют на такие обозначившиеся представления социальных акторов, как *разнородность* и *разнонаправленность* политической, правовой культуры в глобальном, внутривосточном и региональном аспектах. Выстраиваются три доминанты несовпадений между должным и сущим. Это, во-первых, нетождественность разных уровней социальной свободы для разных социальных слоев и групп; во-вторых, несовпадение граней социальной свободы — декларируемых, желаемых и реализуемых. В-третьих, политическая, социальная проблематика усугубляется несовпадением интересов и требований коллективных социальных акторов, конкурирующих между собой.

Конкуренция интересов порой принимает жесткий характер, когда отдельные социальные группы пытаются решать свои проблемы за счет других групп, используя силовые приемы.

Мотивационные структуры являются одновременно и мобилизационными структурами, значение которых велико, поскольку они снижают структурную неопределенность социума, делая его более прозрачным и воспринимаемым. Оптимизация мотивации неизменно приводит к мобилизации индивидов, объединяющихся для коллективных действий. Повышению их активности способствуют *политическая автономность и демократия*.

Ссылаясь на демократические индикаторы социальных движений, ряд исследователей (например, Уоррен) соотносят их с реципрокностью, доверием и признанием предпочтений, выражаемых акциям гражданского неповиновения, сравнивая в то же время с общепризнанными гражданскими добродетелями, которыми следует руководствоваться. Эти предпочтения распространяются преимущественно на те аспекты коллективных действий, которые направлены на защиту демократических принципов социума. В этой связи проводится тонкое различие доверия, вытекающего из реципрокности и доверия, базирующегося

на групповой идентичности или принадлежности к определенным расе, этносу, религии и т.п. «Доверие по принадлежности» — мощная внутренняя самоориентация, дополняемая сильным недоверием к индивидам и группам, которые не входят в круг избранных, не подчиняются культовым предписаниям, религиозному диктату. Эмпирические данные подтверждают, что только ассоциации, способные выстроить доверие, основанное на реципрокности, на взаимных уступках и соглашениях применительно к избираемым ценностям и целям, способствуют развитию отношений взаимопомощи, взаимоподдержки в отдельном коллективе, а также кооперации между разными объединениями. Реципрокность и кооперация — составляющие полезного социального капитала, от которого ждут институциональной эффективности в противовес сектантским тенденциям, коррупции и этноцентризму.

Описанный выше подход к изучению политического контекста социальных движений может быть использован для сравнительного исследования западных и российской моделей социальных движений, современного политического участия и политического представительства с тем, чтобы показать идиографические и номотетические аспекты российского случая, проанализировать влияние институционального порядка и политической культуры на развитие массовых движений и, в свою очередь, выявить их роль как фактора институциональных изменений.

Как происходит трансформация массовых действий в коллективные действия, какие факторы оказывают влияние на этот процесс? Каковы перспективы формирования социальных и политических движений, которые будут способны обновить и наполнить демократическим содержанием уже существующие формальные политические институты представительства? Какая модель участия и какой тип коллективного действия могут сформироваться в России, в «старых» и «новых» демократиях? Какие формы и институты представительства наиболее адекватны современным общественным практикам, подверженным влиянию процессов глобализации, и насколько это влияние значимо?

Ответы на эти вопросы, важные для развития теории институциональных изменений, дают сравнительные исследования новых социальных движений на Западе и в России.

РОССИЯ НА ФОНЕ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» ДЕМОКРАТИЙ

В целом, можно констатировать, что в «старых» демократиях основной проблемой современного представительства является его обновление, дополнение политического представительства интересов граждан неполи-

тическим, институционального — неинституциональным. Коллективные действия, реализующиеся в новых социальных движениях (экологических, правозащитных, женских и др.), — это современные формы гражданской вовлеченности, они характерны сегодня для «старых демократий».

Иная картина наблюдается в «новых демократиях» (в частности, странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве), где, наряду со снижением электоральной активности и падением партийного членства, происходило свертывание тех форм участия, которые были характерны для периода «демократического транзита» [16].

Современное политическое развитие России нуждается в демократизации существующей институциональной среды. Коллизии российского реформаторства, а также мировой опыт показывают, что решить эту задачу способны социальные движения. Они нацелены на перемены в обществе, прежде всего, по общему правилу, на расширение доступа к различным уровням власти и выравнивание «привилегий».

По мнению специалистов, изучающих общественную активность в «новых демократиях», в начале 2000-х годов наметились определенные сдвиги в сторону возрождения и активизации политического участия [34]. Этот процесс затронул и Россию, где в самое последнее время наблюдаются изменения практик и установок многих общественных, профсоюзных и политических организаций. Они стали по-другому действовать, искать союзников, собираться в различные сети, по-иному относиться к властным структурам и оценивать социальную реальность (см. материалы Левада-Центра, ФОМа, Института «Коллективное действие»). Исследователи отмечают связь между изменениями в форме общественной активности и социетальными переменами: глобализацией [2], растущим разнообразием и противоречивостью социальных структур, становлением «сетевое общества» [12], ростом социальных рисков [7], которые все более предстоит преодолеть самому индивиду, процессом индивидуализации [1]. Эти социетальные перемены усложняют успешные коллективные действия, особенно тех индивидов, кто более других дестабилизирован новыми порядками. В то же время они открывают новые возможности для акторов, способных действовать в изменившихся контекстах. В условиях глобализации возникают формы социальных движений, более адаптированные к изменившейся ситуации. Становление новых форм не обошло стороной и Россию, хотя в целом, как показывают наблюдения, активность российских граждан находится пока в фазе массовых действий и коллективного поведения, которые еще не превратились в коллективные действия и тем более в социальные движения.

Европейское обследование² выявило, с одной стороны, очевидное расхождение между «старыми» и «новыми» демократиями, а с другой — срединное положение России по ряду параметров активности, что кажется достаточно неожиданным.

Особенно важны различия в доверии к политическим институтам. В России доверие к Государственной думе чуть превышает 2,5 балла по 10-балльной шкале (у респондентов из остальных 19 стран — участниц обследования средний уровень доверия к парламенту приближается к 5 баллам). Сходная картина — относительно правительства, партий и судов. Разительны различия в доверии к полиции (6 баллов в остальной Европе) и к милиции (2,4 — в России). Как следствие, россияне не слишком высоко оценивают то, как работает демократия в стране (3,6 балла — самый низкий балл по всем страновым выборкам — против 5,3 баллов в остальной Европе). Подобная ситуация позволяет ставить вопрос о процессах деинституционализации и делегитимации политических институтов и даже российского демократического порядка в целом.

В России, по сравнению с остальной Европой, менее выражена гражданская и политическая идентичность, ниже уровень общественной активности. О партийной идентичности заявили 50% европейцев и только 34% российских респондентов. Соответственно, российские граждане менее активно участвуют в выборах (61% в России и 70% в остальной Европе)³ и реже работают в политических партиях (3% против 5%). При этом они позиционируют себя строго посередине (5,2 и 5,1 в остальной Европе) по «лево-правой» политической шкале.

Граждане России втрое реже участвуют в работе общественных объединений (5% против 14% в Европе) и вдвое меньше связаны с добровольными или благотворительными организациями (17% против 35%) (хотя утверждают, что много занимаются общественной деятельностью, как и другие европейские респонденты — по 35%).

По уровню социального доверия Россия набрала 3,8 балла по 10-балльной шкале и оказалась предпоследней (выше Болгарии) среди 19 стран Европы.

---

² Данные третьего раунда (завершен в декабре 2006 г.) Европейского социального обследования, охватившего 15 «старых» и 10 «новых» демократий, включая Россию. См.: <http://www.europeansocialsurvey.org/>, а также сайт <http://www.cessi.ru/> Института сравнительных социальных исследований — российского участника проекта.

³ Напомним, речь идет о результатах опроса, а не о конкретных электоральных данных.

ПАРАДОКСЫ ДОВЕРИЯ В СОЦИУМЕ КЛИК: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Прежние исследования выявили тенденции к воспроизводству в России так называемого социума клик и фрагментированного институционального порядка, в контексте которых оказывалось проблематичным формирование устойчивых политических образований (партий, политических движений, идейных течений и т.д.). Между тем прерывность координации сотрудничества и конфликта, вызванная относительной легитимностью и фрагментарностью порядка, не исключает, а, напротив, содействует готовности россиян объединяться, не испытывая общего доверия к людям и формальным институтам. Личное доверие — главный принцип конституирования сетей из устойчивых связей и отношений типа «лицом к лицу», которые регулируются нормами специфической реципрокности. Эти доверительные отношения позволяют не только обезопасить пространство частной жизни от произвольного применения официальными лицами властных полномочий, но и вывести это пространство из-под контроля социетальных институтов, уполномоченных применять санкции за «свободу» от гражданских обязанностей.

Воспроизводство практики прежних лет, когда в советское время «частные первичные группы заменили институты гражданского общества, но не стали неотъемлемой частью самого общества» [31, с. 23], обусловлено рассогласованием между средовой потребностью граждан и институциональной структурой, формально предназначенной для ее удовлетворения. Россиянам известна норма общей реципрокности со свойственной ей симметрией прав и обязанностей любого гражданина, которая легитимирована формальным равенством перед законом. Но произвольное использование властных полномочий в сочетании с неограниченными правами других на свободу девальвирует практическую значимость нормы общей реципрокности. Тем не менее, происходит формирование сетей, в которых доверительные отношения строятся на принципах открытости и готовности к деятельному сотрудничеству для решения конкретных задач.

В отечественной политической культуре дефицит анонимного доверия компенсируется гипертрофированным персонифицированным, локальным доверием. Казалось бы, это должно, с одной стороны, препятствовать институционализации общенациональных и региональных механизмов политического представительства, а с другой — содействовать формированию локальных политических сообществ. Но этого не происходит. Примат персонифицированного доверия не смещает фокус политической активности россиянина к локальному уровню политичес-

кой системы. Можно предположить, что сугубо локальное, персонифицированное доверие в политическом контексте формируется на основе патерналистских ожиданий — вследствие интерпретации отношений рядового гражданина с властью как гомологичных семейно-родственным отношениям.

Каковы институциональные следствия такого политического поведения?

Если анонимное доверие порождает институциональное представительство (универсальный социальный контракт) и одновременно является его предпосылкой, то (квази)персонализированное доверие порождает (квази)родственную связь россиянина с властными структурами и патерналистский контракт, легитимизирующий внеправовое поведение власти, игнорирование формальных ограничений в расчете на заботу и опеку.

Следует, в связи с этим, подвергнуть сомнению презумпцию потребности в политическом представительстве как мотивирующем факторе политического поведения в России. Вряд ли, во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что реальный контракт российского гражданина с российской властью (или хотя бы с ее законодательной, «представительной» ветвью) адекватно описывается концептом политического представительства.

Для индивидов права и свободы важны скорее внутри своего собственного локального мира, а не как общий принцип, что устраивает власть, которая регулирует «свой мир» также на основе локальных правил, оставаясь вне универсального контроля. Недоверие к институтам и к большинству носителей власти не препятствует электоральной активности. Выборы придают своего рода легитимность такому порядку, причем неразделенность властей в массовом сознании обеспечивает единый механизм властвования. Универсализация такого порядка является функцией власти, а не обеспечивается за счет гарантированных законом прав и обязанностей граждан, которые облачают своим доверием властные институты, чтобы определять и реализовывать коллективные цели, свои политические интересы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Какова же ситуация с представительством в современной России? Каков характер российского политического представительства? Является ли оно демократическим, т.е. отражающим «политическое самостояние индивидов как граждан, уполномоченных наделять представителей

властью и затем держать их под контролем» [13, с. 11]? Каковы основные институты этого представительства?

Анализ проведенных Отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН опросов и интервью подтверждает тезис о недостаточной востребованности партий как политического института — и на макро-, и на микроуровнях⁴. Ответы на вопрос о том, что такое российское государство, свидетельствуют, что в сознании людей отсутствуют представления о дифференциации государства и гражданского общества: понятия государства и общества, народа зачастую не разделяются. Посредничество между гражданами и властью в лице политических партий воспринимается как ненужное. Большинство людей демонстрирует неспособность к осознанию своих групповых интересов, к их артикуляции и соотнесению с позицией той или иной политической партии, т.е. неспособность к идейно-политической самоидентификации.

Наши исследования последних лет выявляют усиление в обществе запроса на «сильную руку», «сильную государственную власть», а также на «самобытность» и «особый путь России». Опираясь на сдвиги в ценностных ориентациях населения в сторону «ретроценностей», а также на недостаточную востребованность в обществе института партийного представительства, власть выстраивает моноцентричную, закрытую политическую систему с ограниченными плюрализмом и конкуренцией, с преобладающей ролью «партии власти» и единым центром принятия решений. При этом сам процесс принятия решений вытесняется из формальной сферы в неформальную.

Вместе с тем, есть эмпирические данные и о наличии потребности в институте представительства у определенных групп граждан. Так, в опросе 2006 г., из тех респондентов, кто ответил положительно на вопрос, есть ли в России политические партии, действующие в интересах таких людей, как они, около 30% «задумывались о возможности стать членом такой партии». Характерно, что число выразивших такую готовность, значительно варьирует в зависимости от степени общественной, гражданской и политической активности респондентов.

Таким образом, налицо как наличие определенного запроса на представительство интересов граждан в общественных и политических организациях и на участие в них, так и осознание неспособности существующих организаций и партий удовлетворить такой запрос.

Перспективы становления представительной демократии в России в решающей степени зависят от того, как «импортированный» в конце

⁴ Информационная база исследования включает 90 глубинных интервью с руководителями и активистами общественных объединений, а также результаты опроса (объем выборки — 818 респондентов), проведенного методом «снежного кома» в 16 регионах России в августе-сентябре 2006 г.

прошлого века институциональный каркас политического представительства воспринимается и осваивается отечественной политической культурой, традиционно ориентированной на регламентацию социальных отношений «сверху». Несомненно, принципиальное значение имеют и особенности «конструкции» самого этого каркаса (объем полномочий представительных органов, законодательство о выборах и партиях, практика регулирования межпартийной конкуренции и т.д.).

Однако первичен тут все же политико-культурный фактор: без идентификации рядовыми гражданами выборов, многопартийности, парламентаризма как наличного инструментария политического представительства и — в качестве необходимой предпосылки такой идентификации — формирования установки на подотчетность власти обществу (иначе говоря, без интериоризации принципа народного суверенитета) никакие мыслимые меры по совершенствованию этого инструментария к реальной институционализации представительства вести не могут.

Анализ опросов определенно свидетельствует о неукорененности «представительского» дискурса в массовом сознании — в особенности в сравнении с дискурсом патерналистским; о том, что говорить о реальной институционализации политического представительства по крайней мере преждевременно, несмотря на формирование институционального каркаса такого представительства и рутинизацию соответствующих ему политических практик. Между тем, работу в общественной организации, инициативной группе, а также членство в партиях, массовые выступления и выборы опрошенные нами респонденты считают эффективными способами политического участия.

«ПОЛИТИКИ», «ОБЩЕСТВЕННИКИ», «ОБЫВАТЕЛИ»

Сравнительный анализ респондентов выявляет существенные различия между политически активными («политики»), граждански активными («общественники») и неактивными («обыватели») людьми. Входящие в первые две группы по многим параметрам отличаются от респондентов третьей группы — большей ориентированностью на социальную справедливость, уровнем социального доверия, установкой на сотрудничество и совместные действия с целью решения общих проблем.

Есть основания предполагать, что именно первые две группы (и в особенности группа политически активных) могут стать средой нормативно-ценностных изменений и новой гражданской политической культуры, возникающей на микроуровне именно в ходе добровольного участия в общественных организациях.

Можно также предположить, что именно общественные организации, а не политические партии (большинство которых не являются выразителями интересов каких-либо социальных групп) смогут стать представителями интересов групп граждан, способных осознать свою коллективную идентичность, и донести их требования до власти, а также проконтролировать их исполнение. Не исключено, что в российском политическом контексте, отличающемся от западного, организации гражданского общества окажутся более адекватными для выполнения функций представительства интересов, в том числе и политического.

Ценностная мотивация участия в общественной деятельности намного сильнее выражена у политических активистов, чем у общественных и неактивных. Неактивных людей может подтолкнуть к участию в общественной или политической деятельности, прежде всего, необходимость решения конкретной проблемы. В ходе занятия общественной деятельностью часть активистов политизируются, становятся ярыми «оппозиционерами», сталкиваясь с трудностями конструктивного сотрудничества с властями, их безразличия и бюрократизма. В то же время, политически активные граждане понимают важность взаимодействия с общественными движениями, организациями, инициативами как «смычки» с широкими слоями общества и сознательно включают в работу общественных инициатив.

Гендерный анализ особенностей ценностных ориентаций и политических установок активистов массовых движений также позволяет обнаружить, что среду гражданской активности в России можно рассматривать как пространство значимых ценностно-нормативных изменений. Однако участие в работе общественных организаций по-разному сказывается на ценностном выборе и поведении активистов — мужчин и женщин. Позиции мужчин становятся зачастую более критичными в социальном плане, позиции женщин — более компромиссными. Включение в деятельность общественных организаций, имеющих политические задачи, участие в политически окрашенных гражданских акциях резко повышают значение этих практик в самоопределении как мужчин, так и женщин. Происходит очевидный отрыв от традиционалистских подходов и установок (в данном случае — гендерных), отказ от подданнических культурных образцов в пользу демократических ценностей и норм. Логика гендерно предопределенного поведения уступает место логике социально ответственного выбора.

Для реализации этих и других логик политического поведения и гражданской активности необходимо устранить рассогласование между средовой потребностью граждан и институциональной структурой, формально предназначенной для ее удовлетворения. Суть этого рас-

согласования определена и эмпирически подтверждена в ряде наших исследований. Оно отражает базовое противоречие, характеризующее взаимоотношения власти и социума в России. Потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными, понятными гражданам нормами, находится в противоречии с зависимостью ее организации от социальных институтов, пользующихся властными полномочиями для произвольной регламентации гражданских прав [5].

Выбор стратегий индивидуального либо коллективного действия определяется стилем мышления акторов, который интерпретируется как сочетание когнитивной и коммуникативной компетенций [4, с. 51-53].

Когнитивная компетенция респондентов обладает определенной спецификой. Их отношение к действующим в России законам не зависит от оценки степени личной свободы. Как бы она ни оценивалась, половина «политиков», «общественников» и «обывателей» избирательно относится к российским законам, считая, что выполнять «какие-то законы нужно, какие-то нет». Декларированная почти третью «политиков» и «общественников» готовность к законопослушанию не только не согласуется с явной склонностью их большей части к избирательному выполнению законов. Независимо от того, полагают ли те и другие, что свободы «стало больше», с ней «ничего не изменилось» или же ее «стало меньше», возрастает доля придерживающихся точки зрения, согласно которой «в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять».

Установлено, что нет прямой зависимости и между отношением всех трех групп к действующим в России законам и их оценкой степени личной свободы. Отсутствие этих зависимостей дает основание сделать вывод о том, что в сознании респондентов свобода не связывается с объемом их формально или реально существующих прав. Если закон ассоциируется не столько с гарантией прав, сколько с «запретом властей» и ответственностью перед ними, то вряд ли следует ожидать от респондентов добровольного, а не вынужденного и нередко избирательного выполнения законов.

Почти каждый четвертый из тех «политиков», чей круг общения состоит в основном из друзей и родственников, товарищей по работе или учебе, либо товарищей по организации, т.е. выстраивается преимущественно из неформальных связей и отношений, в случае принятия властями несправедливого решения на свой счет предпочитает «обжаловать его в вышестоящие инстанции» или «обратиться за помощью к влиятельным знакомым». Выходит, что респонденты из перечисленных сравнительно

больших подгрупп не исключают для себя возможности формировать клики с целью защиты их погранных прав. Такое предположение подтверждается и другими данными: примерно та же пропорция респондентов, связывая мысль о солидарности в нашей стране с внезаконными способами взаимопомощи и сотрудничества, относит обращение «за помощью к влиятельным знакомым» к наиболее надежным способам восстановления справедливости.

Проблема рационализации коммуникативной компетенции респондентов заслуживает специального анализа. От того, как и насколько изменяются выбираемые ими способы справляться с неопределенностью в их повседневной жизни, оперируя теми или иными ценностями и нормами, зависят ход и направленность не только социальной, но и социетальной интеграции участников коллективных действий, когда они объединяются в сети личного доверия. Другими словами, речь идет о пути трансформации дискретных сетей кликового типа в объединения граждан, отстаивающих свои частные интересы и защищающих свои конституционные права.

В современной России интенсивно развиваются местные инициативы на низовом уровне — сотни инициативных групп, созданных самими гражданами по инициативе снизу для решения конкретной проблемы, чаще всего связанной с жилищными условиями. Коллективные акции имеют точечный, многократный характер, они направлены на решение насущной для соответствующего сообщества проблемы. Но с большим трудом идет процесс консолидации этих инициатив в рамках межрегиональных движений, сетей и прочих организационных структур. Этому процессу консолидации препятствуют общие институциональные и властные структуры, которые определяют доминантный стиль мышления и поведения — доверие только узкой группе «своих», предпочтительность неформальной и индивидуальной стратегии коллективным действиям, вертикального принципа объединения горизонтальному. Последнее наглядное доказательство этому — выборы 2 декабря 2007 года. Они демонстрируют, что в политической культуре масс мало что изменилось. Вместе того, чтобы объединяться и формировать разные общественные объединения, разные социальные группы, которые могли бы быть представлены разными политическими партиями, преследовать различные интересы и отстаивать различное видение общественного блага («демократическая схема»), — работает привычная схема единения большинства под крылом верховной власти.

ГРАЖДАНСКИЕ СЕТИ И ВЛАСТЬ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В нынешних условиях весьма актуальной становится задача исследовать, как формируется и реализуется вновь возникающими сетевыми структурами выбор стратегии их взаимодействия с властями разного уровня. От этого выбора, сколь угодно ситуативного — будь то стратегия «лоббирования» через налаживание контактов со «своими» людьми во власти, «социального партнерства», формально организованного «сверху», но фактически действующего по нормам специфической реципрокности или создания «гражданского контроля снизу» — зависит перспектива трансформации новых сетей в социальное движение.

Каковы возможные стратегии горизонтальных сетевых структур в таком контексте?

Самая распространенная стратегия состоит в том, чтобы играть по правилам доминантных властных структур, то есть согласиться на лояльность верховной власти взамен определенных услуг или ресурсов. Это модель действий тех общественных деятелей или организаций, которые вошли (или пытались войти) в Общественную палату.

Вторая стратегия нацелена на свержение верховной власти, но при этом, как нам кажется, не затрагивает сами институциональные и властные структуры, характеризующие все общество.

Третья стратегия сетевых структур — полный отказ от каких-либо отношений с властями. Эту стратегию используют общественные организации, не ставящие своей целью воздействие на политическую систему. В контексте России она невозможна для всех инициативных групп или активистских сетей, имеющих дело с коллективными проблемами, решение которых зависит в первую очередь от властей, например, в связи с новым витком социальных реформ.

Четвертая стратегия, наиболее перспективная, с нашей точки зрения, состоит в одновременном использовании протеста и переговоров с властями. Как показывает практика активистских сетей, переговоры невозможны без протеста, а протест без переговоров ничего не дает.

С переходом к рыночной экономике постсоциалистических стран получил развитие концепт социального сотрудничества — трипартизм и социальный диалог. Последний успешно развивается при следующих условиях — наличии сильных независимых организаций трудящихся и предпринимателей; политической воли и обязательств сторон участвовать в процессе; уважения фундаментальных прав и свобод ассоциаций и коллективных переговоров; соответствующей институциональной поддержке.

Включение в социальный диалог (социальное партнерство), помимо профсоюзов и работодателей (их объединений), других акторов ставит вопрос о роли профсоюзов и их возможности представлять интересы трудящихся — подавляющего большинства экономически активного населения. В этой связи представляется обоснованной точка зрения тех, кто предлагает отдельно рассматривать партнерство в сфере трудовых отношений и в более широком плане — общественных отношений. Неправительственные организации могут стать союзниками профсоюзов в решении социальных и экономических вопросов.

В свою очередь профсоюзы — наиболее организованная часть гражданского общества, обладающая финансовыми ресурсами, могла бы поддержать процесс развития общественных неправительственных организаций в России. Однако пока отношения между этими социальными акторами находятся на этапе становления.

Мобилизация инициативных групп и коалиций сигнализирует, что есть возможность оспорить господствующую систему власти, но чтобы оценить реальность этого, нужно проанализировать, какие властные взаимоотношения структурируют эти самые объединения активистов.

Общие институциональные и властные структуры противодействуют коллективным действиям и превращению тех, кто разделяет общепринятые схемы действия и мышления, в активистов, пытающихся оспаривать существующий порядок. Усилия по преодолению препятствий способствуют формированию сплоченного коллектива активных граждан. Однако это делает крайне трудным становление и особенно стабилизацию и трансляцию альтернативных правил и норм, т.е. институционализацию гражданских и политических схем действия и мышления.

По мере того, как люди приобретают опыт коллективных действий и сталкиваются с препятствиями, чинимыми властью, их требования становятся более общими. Большинство популярных лозунгов, с которыми выступают активисты общественных движений, сводятся к требованиям «гражданского контроля» и «справедливости». Это означает, что происходит их самоидентификация как граждан, которые имеют право контролировать власть, и что они настаивают на универсальности закона («закон един для всех»). Крайне важно отметить, что группы активистов требуют полного и реального соблюдения прав граждан, ясных правил игры, чтобы обезопасить себя от «произвола» власти. Конечно, эти ценности остаются абстрактными и слабыми (не подкрепленными реальными механизмами их воплощения в жизнь), но сами по себе они противоречат доминантной системе правил и ценностей и поэтому представляют собой явный вызов господствующей институциональной структуре.

В коллективных действиях утверждается сознание того, что «мы можем». Эта тенденция характерна на сегодняшний день только для меньшинства населения. Но в случае ее распространения, возможен качественный перелом в общественно-политической культуре страны, когда в противовес обычной реакции на проблемы («каждый за себя», «как-нибудь выкручусь» или «я все равно ничего не могу») утвердится другая, необходимая предпосылка любого гражданского общества — «мы что-то можем делать вместе».

В современных российских и мировых условиях разворачивание новых социальных движений может иметь далеко идущие последствия в плане социетальных и политико-институциональных перемен, в частности, перспектив формирования гражданского общества и системы демократического политического представительства в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего», 2007.
3. Маленков В.В. Динамика гражданственности в России в постсоветский период: структурно-деятельностный подход. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. н. Тюмень, 2006.
4. Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Ч. 1. М.: ИС РАН, 2006.
5. Хлопин А.Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева, М.: ИСП РАН, 2006.
6. Barnes M., Newman J., Sullivan H. Power, Participation and Political Renewal: Theoretical Perspective on Public Participation under New Labour in Britain // Social Politics. 2004. V. 11. N 2.
7. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: Sage, 1992.
8. Bimber B., Flanagin A.J., Stohl C. Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment // Communication Theory. 2005. N 4.
9. Bobbio L. Come smaltire i rifiuti. Un esperimento di democrazia deliberativa // Stato e Mercato. 2002. N 64.
10. Caiani M. Capitale sociale, associazioni e democrazia deliberativa: associazioni e attivisti a Firenze. Paper presentato al panel «La democrazia discorsiva» al convegno annuale SISP. Genova, 2002.
11. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1997.
12. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Oxford: Blackwell, 1996.

13. *Castiglione D., Warren M. E.* Rethinking Representation: Seven Theoretical Issues. Paper prepared for Midwest Political Science Association Annual Conference. Chicago, 2005, April 6-10.
14. *Della Porta D, Diani M.* Social Movements: an Introduction. Oxford: Blackwell, 1999.
15. *Fairbrother P.* Changing Patterns of Union Organisation? Representation and Participation: What is happening in Anglo-American Trade Union Movements? Paper presented at 18th Annual International Labour Process Conference. Glasgow, University of Strathclyde, 2000. 25-27th Apr.
16. *Inglehart R.* Trends in Political Action, the Developmental Trend and the Post-Honeymoon Decline, 2002 (<http://www.worldvaluessurvey.org/news/latestpub.asp>)
17. *Johansson Y.* Civic Engagement in Change — the Role of Internet. Paper prepared for The Changing Media and Civil Society workshop. European Consortium for Political Research (ECPR). Edinburgh, UK, 2003, March 28th — Apr. 2nd.
18. *Kitschelt H.* Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. N 16.
19. *Klingemann H.D., Fuch D. (eds.)* Citizens and the State. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
20. *Koopmans R.* Democracy from Below. New Social Movements and the Political System in West Germany. Boulder: Westview Press, 1995.
21. *Kriesi H.* New Social Movements and the New Class in the Netherland // *American Journal of Sociology*. 1989. N1.
22. *Kriesi H.* The Political Opportunities Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization. // *Jenkins J.C., Klandermans B. (eds.)* The Politics of Social Protest. Minneapolis / L.: Univ. of Minnesota Press / UCL Press, 1995.
23. *Kriesi H.* The Political Opportunity Structure of the Dutch Peace Movement // *West European Politics*. 1989. N 12.
24. *McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930-1970. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982.
25. *McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.)* Comparative Perspectives on Social Movements, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.
26. *Melucci A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.
27. *Micheletti M.* Individualized Collective Action. Paper for the Nordic Political Science Association's Meeting. Aalborg, Denmark, 2002, Aug. 14-17.
28. *Norris P.* Democratic Phoenix. Reinventing Political Activism. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2002
29. *Olson M.* The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965.
30. *Pharr S., Putnam R.* Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? N.Y.: Princeton Univ. Press, 2000.
31. *Rose R.* Rethinking Civil Society: Postcommunism and the Problem of Trust // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. N 3.
32. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 1994.
33. *Traub Poole A.* Lecture on Social Movements Theory // *Political Science*. 2003. V1501.

34. *Uba K.* What Leads to Changes in the Levels and Modes of Political Participation in «New» Democracies? Edinburg, 2003.

35. *Urbinati N.* Any form of government which is not representative is essentially an anomaly: An analysis of the Value and Meaning of Political Indirectness. Paper for Yale Political Theory Workshop, 2006-2007. 2006. 9 Nov.

36. *Van Rooy A.* The Global Legitimacy Game. Civil Society, Globalisation, and Protest. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.

37. *Verba S., Nie N., Kim J.-O.* Participation and Political Equality: a Seven-Nation Comparison. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1978.